

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К63

Серия «Виноваты звезды»
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Комарова, Марина Сергеевна
К63 Чернила под кожей / Марина Комарова. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 253, [1] с. (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-120002-2

Тая пишет чернилами на бумаге, Макс — на коже. Ее книги — бестселлеры, его татуировки — произведения искусства. Тая и Макс предпочли бы никогда не встретиться, но судьба сталкивает их лицом к лицу, ломая прежнюю жизнь. И никто не подозревает, что у зла два лица, и имя одного из них — любовь.

© Марина Комарова, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

ТАЯ ПОЛУЧАЕТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

— Значит, по-вашему, я неотесанный чурбан?

Он смотрит так пристально, что у меня перехватывает дыхание. Солнце пляшет в янтарных глазах, пропитывает их сумасшедшим золотом, стирая человеческую сущность и оставляя хищного зверя.

Он слишком близко. Сам сел без спросу за мой столик, подпер щеку кулаком и некоторое время молча смотрел, словно зная: тишина заставляет нервничать куда сильнее, чем слова.

В нем все так. Редкий сорт мужчин, на которых смотришь и понимаешь, что он хорош не только на зафильтрованной фоточке в инсте.

Модная асимметричная стрижка: бритый висок и густые черные пряди на макушке. Проколотое ухо. Не трехдневная щетина, но и не борода хипстера-дровосека. Мужественные черты лица, нос немного крупноват, но ни капли не портит общей картины. Янтарно-карие глаза, в которых смешались ирония, любопытство и тень разочарования.

Мощные плечи и мускулистая грудь обтянуты простой черной футболкой. Руки, покрытые цветными татуировками, лежат на крышке стола. И я стараюсь не смотреть на эти руки, потому что осознаю: если ему вздумается ухватить меня за горло и немного подержать, вряд ли получится вырваться.

Такими руками можно свернуть не одну шею. На эти руки лучше не нарываться.

И никто не виноват, что хозяин тату-салона Макс Янг, оказывается, прекрасно говорит по-русски. И столь любезен, что пока еще говорит со мной, а не пытается набить... лицо.

— Это была личная переписка, — говорю я как можно более невозмутимо. — Жаль, моя собеседница не понимает, что такое конфиденциальность.

Вообще-то подлиза и предательница Верка получила от меня по самое не горюй. И, трусливо поджав хвост, забила в свой запыленный закрытый аккаунт, где плакалась подруженькам, какая же Тайка стерва.

— То есть вы сначала сплетничаете за спиной человека, а потом говорите, что это личная переписка? — приподнимает бровь Макс.

Мне неловко. И стыдно. Почти так же, как когда нахожу ошибки в своих постах, причем допущенные по невнимательности.

— Да, — коротко отвечаю.

Ситуация и правда некрасивая, но извиняться я не собираюсь. И что-либо объяснять — тоже.

Потому что по-прежнему считаю Макса Янга неотесанным чурбаном, который презрительно отзывав-

ется о женщинах в искусстве и уверен, что истинными творцами могут быть только мужчины.

— Да? — переспрашивает он.

Стараюсь не смотреть на его кулаки. Не видеть, как они сжимаются. Поднимаю голову и встречаюсь взглядом с янтарными глазами, в которых полыхает бешенство.

Он меня ненавидит. От осознания этой простой истины вдоль позвоночника проносится ледяная волна, пальцы холодеют. Макс медленно поднимается и перегибается через столик, наклоняясь ко мне. Я сижу онемев, не в силах пошевелиться. Внутри все кричит: «Беги!» Только ни руки ни ноги не двигаются... Да что там — даже ресницы замерли! И я не в силах отвести взгляд.

Запах миндаля и геля после бритья затмевает все на свете. Я чувствую, как его дыхание обжигает мочку моего уха. Сильные пальцы стискивают мое запястье, и захват выходит совсем не шуточным.

— Тая, следите за своим язычком, — хрипло шепчет Макс. — Иначе придется принять меры.

Мне страшно, однако я беру себя в руки и почти не дрогнувшим голосом отвечаю:

— И не только вам.

На мгновение в янтарных глазах вспыхивает удивление. Но этот миг так короток, что можно подумывать — мне показалось.

— Я предупредил, — роняет Макс. И сдавливая мою руку сильнее.

— Отпустите, — шиплю я.

Он и не думает слушаться. Сверлит меня недобрым взглядом, гипнотизирует, словно удав кролика.

— Тая! — слышу я окрик бармена Дениса, моего друга еще со школьных времен.

Макс будто приходит в себя, медленно разжимает пальцы. Мне уже не холодно, теперь бросает в жар, когда я осознаю: на нас смотрят все посетители кафе.

— Я предупредил, — тихо произносит он, отходит и размашистым шагом направляется к выходу.

В зале висит тишина — душная, тугая, неподвижная. Сидящие возле окна девушки смотрят вслед ушедшему Максиму, бросают косые взгляды в мою сторону.

Рука сама сжимается в кулак. Внутри все клокочет от ярости.

Немного спасает только то, что мы говорили относительно тихо, без крика. Мне хочется схватить тяжелую салфетницу в виде домика и запустить куда-нибудь. Или хотя бы стакан. Стакан...

— Выдохни, — звучит над головой голос Дениса, и тяжелая рука опускается мне на плечо. — Чего он хотел?

— В морду, — обретаю я дар речи. Собственный голос кажется хриплым карканьем вороны. Одновременно хочется смеяться и долбануть кулаком по столу. — Ну, Верка, тварь... Я тебе устрою. Будешь знать, как молотить языком направо и налево.

Внутри коктейль эмоций, взрывной и горький. Ощущение, что если еще раз встряхнуть, то все взлетит на воздух.

— Можно организовать,— хмыкает Денис.— Пошли ко мне, налью что-нибудь. Заодно расскажешь, что сейчас произошло.

Я поднимаюсь из-за столика, делаю шаг вслед за Денисом. Возле меня неожиданно оказывается одна из тех девчонок, которые сидели за столиком у окна и таращились на Макса.

— Вы — писательница Тая Грот? — спрашивает она чуть смущенно.

— Да,— на автомате отвечаю я.

— Можно взять автограф? — Ее щеки алеют.— Я обожаю ваши книги.

* * *

Тая Грот — мое настоящее имя. Точнее, Таисия. Красиво и воздушно, однако совершенно не подходит для того, что я пишу.

Редактор так и написал в письме: «Настоятельно рекомендуем выбрать для публикаций более короткое имя». Чтобы запомнили, чтобы лучше отражало рваные, полные сарказма и иронии мысли, которые я вкладываю в каждую книгу. Те обнаженные и раскаленные чувства, которые стекают с каждой страницы, заставляют читателей в гневе закрывать книгу, а потом возвращаться. После осознания, что я права.

Я слишком люблю свое имя и не заменила бы его псевдонимом просто ради пиара, продаж и прочей дряни, которой живет современный мир. Кто-то криво усмехнется, кто-то покрутит пальцем у виска.

«В этом мире всё покупается и продается, детка», — скажет кто-то, зажав сигарету в пальцах и выдыхая сизый дым.

Плевать.

Не всё.

Можно продать тело, но не душу. Это не тот товар, который выйдет взвесить в граммах, завернуть в нарядную упаковку и с улыбкой протянуть покупателю. Бери, дорогой друг, пользуйся, надеюсь, тебе будет хорошо. Хорошо? Да черта с два!

Никто не сможет натянуть вашу душу на себя. Можно в распаханную грудину вставить чужое сердце, но не ее, незримую и бестелесную, которая дает желание жить.

Я всегда считала, что современная проза, несмотря на все похвалы ей, — всего лишь смесь пафоса, громких слов и обычных букв. Описание чего-то простого, обыденного, преподнесенное через рупор рекламы и громкие слова рецензентов. О боже, это шедевр! Господи, автор опередил время! Эти вопросы берут за живое! Ваша жизнь никогда не будет прежней, если вы прочитаете бестселлер этого автора!

Вы не поверите, но будет. И все остальное будет тоже. Написанное в книге — всего лишь вектор. А куда вы направитесь — зависит только от вас, ни больше ни меньше.

Кто бы сказал, что я буду писать современную прозу, — рассмеялась бы ему в лицо. Кто бы шепнул, что обложки моей персональной серии — стерильно белые, с цветными кричащими кляксами, масками,

скрывающими лица девушек и юношей, — будут на каждой тумбе и полке в книжном магазине. Кто бы сообщил, что Тая Грот, автор бестселлеров, будет одним из самых приглашаемых авторов на фестивали и книжные ярмарки.

Кто бы...

— Тая, хватит пялиться на дно стакана, давай сделаю тебе еще, — предлагает Денис, щелкая пальцами перед моим лицом и пытаюсь привлечь внимание.

Он выше меня на голову, ходит в тренажерку, носит длинные русые волосы, которые обычно собирает в хвост, и отвратительные белые футболки. Почему отвратительные? Потому что они всегда чистые, выглаженные, идеально обтягивают плечи, оставляя на виду мускулистые руки.

Нам неоднократно приписывали роман, но всегда стреляли мимо. Не потому, что у Дениса что-то с ориентацией, просто мы никогда не видели друг в друге кого-то, кроме друзей. Мы как брат и сестра, только без общих родителей и рыбок. Чудовищно разные и не понимающие, как можно спать с тем, кто с тобой пьет.

— Сделай что-нибудь. Как думаешь, почему она кинула ему скрин переписки?

Вопрос срывается с губ сам, обжигает похлеще виски в коктейле, который я успела допить. Меня не особо печалит реакция Макса. Главное — больше с ним не пересекаться. Но Вера... подр-р-руга, твою мать. «Ой, я так люблю твои книги, в них столько правды, мужики такие сволочи. Меня недавно бросили, я вот все прямо снова пережила».

Видимо, недостаточно ярко пережила, раз побежала к Янгу.

— Хочет забраться к нему в постель? — интересуется Денис, вновь ставя передо мной стакан с золотисто-коричневым напитком.

Я морщусь, обхватываю прохладное стекло ладонью.

— Какой ты пошляк! И вы, мужчины, еще смеете утверждать, будто секс — это далеко не все, что вам нужно.

— Конечно, — невозмутимо кивает Денис. — Я никогда не откажусь от завтрака после секса. Знаешь, сколько энергии тратится на ночь страсти?

— Пойдем посчитаем?

— Вообще не вопрос. Только с моей подружкой договариваться будешь сама. Вряд ли она будет в восторге, если рядом сядет тетка с сомнительными намерениями и начнет вслух считать.

— Я буду считать в ритм, — говорю с каменным лицом, делаю глоток и морщусь. — Ты сюда спирта налил?

Денис закатывает глаза.

— Женщина, ты ничего не понимаешь в прекрасном. Глядя на твою реакцию, я зарабатываю комплекс неполноценности. Ты хочешь потом оплачивать мне психотерапевта?

— Единственное, что я могу оплатить, это Зинаида Петровна с пятого этажа. Уверен, что именно это тебе надо?

Денис бормочет о моей жестокости, а я довольно улыбаюсь. Упомянутая Зинаида Петровна кому угодно

вынесет мозг и продаст его на черном рынке. Даже то, что болтливая старушка отошла от тебя, уже приносит неземное счастье. А если отошла несколько раз за день, то вы самый счастливый человек на свете.

Мобильный подает признаки жизни, «Телеграм» оповещает о новом сообщении. Открываю мессенджер и пробегаю глазами послание:

Vera Krutlova: Привет, Таечка! Напоминаю, что сегодня в кафе в 19.00, как и договаривались. Девчонки все будут, только Валя немного задержится.

И дурацкий стикер в виде мультяшного персонажа.

Так-так, значит, напоминаешь. Ну хорошо.

— Тая, почему мне уже хочется звонить в полицию? — косится на меня Денис.

— Потому что тебе не нравится моя рожа, — говорю предельно четко и прямо. — Но я накрашусь, не переживай.

И мы поговорим, Верочка. Прямо сегодня, в девятнадцать ноль-ноль. Моли бога, чтобы было куда бежать.

* * *

Домой я залетаю, просчитывая, получится ли сделать все нужное и успеть на встречу в кафе. Мы с Денисом совсем не вовремя заболтались. Точнее, я болтала, а он слушал и норовил подлить свой очередной шедевр. Картина словно в анекдоте:

— Тая, почему бутылка пустая?

— Я лечила рану.

— Какую?

— Душевную.

Рана была не слишком велика; я прекрасно осознаю, что моя вина в случившемся тоже есть. Поэтому вцепиться в выбеленные локоны Веры точно не смогу. Пусть и очень хочется.

Оставляю сумку в коридоре, стаскиваю через голову легкое платье.

— Алена, ты дома? — кричу так, чтобы младшая сестра услышала сквозь тяжелый рок в наушниках.

Никакой реакции. Пробегаю коридор, распахиваю дверь в ее комнату.

Мелкая сидит в позе лотоса на стуле, в одних коротких шортах и громадных наушниках с кошечками. Соломенные волосы собраны в пучок, очки свисают с кончика носа.

Алена увлеченно стучит по клавишам и не слышит, что в комнате есть кто-то кроме нее. Закатываю глаза, считаю до десяти и велю себе успокоиться. Что в лоб, что по лбу. Сестра не заметит ничего вокруг, даже если произойдет землетрясение. Айтишница в доме — еще та радость. Хотя если сравнивать с писательницей, то вполне ничего.

Кладу руку на плечо Аленки. Та вздрагивает, сдергивает наушники, внимательно смотрит на меня.

— Тьфу, напугала, — глубокомысленно выдает и быстро закрывает окно на мониторе. Однако я все равно успеваю заметить, что она не «кодит», а болтает в чате с долговязым дружкой.

— В следующий раз так зайдут воры и вынесут тебя, — хмурюсь я, стараясь выглядеть суровой старшей сестрой.

Аленка фыркает.

— Ой, все! Кому тут что надо?

Это неприятно колет, но в целом она права. У нас особо и утащить нечего. Ценность представляют только наши компьютеры. Стиральная машинка, бойлер, плита — ну... такое. Оно дышит, но только после искусственного дыхания, и постоянно грозит уйти на покой.

Ни мои гонорары, ни стипендия отличницы-второкурсницы Алены никак не позволяют жить на широкую ногу.

— Там курьер твои авторские принес, — сообщает Аленка, лениво тянется за растянутой майкой с совой и надевает ее.

Нагота ее никогда не смущала, а мое присутствие она воспринимает как нечто само собой разумеющееся. Временами Аленка считает меня второй мамой, временами — лучшей подругой. Ни той ни другой стесняться нет смысла.

— Я сегодня иду к Ляле на день рождения. Останусь с ночевкой. Весь дом в ее распоряжении, будут только девчонки.

— Хорошо, позвонишь, — киваю я.

Не страшая Аленку никакими глупостями — хотя бы потому, что мне досталась сестра с головой на плечах. Да и коды ее интересуют куда больше, чем парни. А Ляля — такая же двинутая айтишница, как и Аленка. Нашли друг друга.

Сестра не влезает в сомнительные компании. В подростковом возрасте были попытки, но, переступив двадцатилетнюю черту, Алена Грот водрузила на нос очки и остепенилась. Ну, местами.

— Ты сегодня на девичник? — спрашивает она, не отводя от моего лица зеленых глаз.

Таких же, как у меня. По ним сразу вычисляют, что мы сестры, — слишком уж похожи и цвет, и взгляд.

— Да, — коротко отвечаю ей. — Но сначала в душ.

Пока что я не готова рассказывать ни про Веру, ни про Макса Янга. Не слишком хочется признаваться в своей глупости. И не особо тянет говорить о тех, кто меня подставил.

Горячая вода обжигает кожу, но я этого почти не замечаю. Мысли далеки от белого кафеля и геля с ароматом абрикоса.

Приняв душ, я заматываюсь в полотенце, протираю запотевшее зеркало и некоторое время смотрю на свое отражение. Не красавица и не уродина. Обычная девушка двадцати пяти лет, далекая от глянцевого кукол с фотографий в соцсетях.

Белая кожа, черные волосы, удивительно красивые руки и несколько лишних килограммов, которые никогда меня не смущали. Никогда не была моделью и не стремилась. Есть чем гордиться, кроме засушенной фигуры.

Перед глазами почему-то возникла Вера. Стройная, хорошенькая, всегда с таким вниманием слушающая мужчин, что даже самый убогий задохлик чувствует себя орлом. Умеет. У меня же даже рядом с такими,

как Макс и Денис, не возникает желания казаться глупее, чем есть на самом деле.

Сама с изумлением отмечаю, что подумала про Макса. Это еще что такое? Неотесанный чурбан с шовинистическими замашками, считающий, что он выше других. Вот и все.

На гулянку собираюсь быстро. Джинсы, рубашка, легкий макияж. Волосы только выравниваю, и они струятся жидким черным стеклом, будто обсидиан в руках древних жрецов майя.

Подхватываю сумку. Кричу Аленке, что ушла. Сестра желает хорошо оторваться. Горько хмыкаю, качаю головой и выхожу из дома.

Несмотря на то, что солнце садится, вечерняя прохлада не спешит обнимать город прозрачными руками. Все равно душно и немного влажно.

Многих это утомляет. Начинают страдать и раздражаться, что солнце жжет, облака не закрывают небо, а ветер, горячий и безумный, не дает сделать и вдоха, швыряя в лицо пыль и южный зной.

А я люблю лето. Люблю, что не нужно надевать лишние вещи, не нужно бояться перемерзнуть и подхватить простуду. Летом совсем не так, как зимой.

Лето — гомон и шум, зима — белое безмолвие, не менее страшное, чем черная немота ночи.

До кафе всего три остановки, но я проезжаю две и выхожу. Мне нужно пройтись, подумать и привести мысли в порядок.

Исходные данные: Макс Янг, альфач, парень с картинки, хозяин тату-салона, обладатель инста с